

А. Н. Красновъ, какъ географъ.

Когда были основаны кафедры географіи въ университетахъ, однимъ изъ первыхъ профессоровъ, занявшихъ эту кафедру, былъ А. Н. Красновъ. Большой подготовкой къ дѣятельности его, какъ географа, были его путешествія въ среднюю Азію, а кромѣ того, заканчивая за границей свою диссертацию, онъ готовился къ будущей дѣятельности профессора географіи, слушая цѣлый рядъ лекцій и работая по географіи и другимъ наукамъ, соприкасающимся съ ней. Оставаясь до конца жизни гео-ботаникомъ и работая въ этомъ направленіи, А. Н. ставилъ гораздо шире задачи ботаническаго изслѣдованія, чѣмъ простое флористическое изслѣдованіе данной мѣстности. Задачи же научной географіи А. Н. понималъ, какъ широкое обобщеніе всѣхъ соприкасающихся между собой научныхъ дисциплинъ. Въ его глазахъ географія была философскою наукой, задачей которой является обосновать и поставить во взаимную связь всю совокупность особенностей данной мѣстности. Вся природа, вся окружающая картина данной мѣстности не есть только фонъ, на которомъ развертывается разнообразіе человѣческой жизни, а органическая часть послѣдней.

Такой взглядъ на географію, особенно когда при этомъ былъ уже большой матеріалъ личныхъ наблюденій, самыхъ различныхъ, невольно создавалъ большое разнообразіе дѣятельности А. Н. Это разнообразіе интересовъ и работъ вызывало подчасъ осужденіе и обвиненіе въ томъ, что А. Н. разбрасывается въ своей дѣятельности. Всѣ четыре основные элемента географическаго описанія: геологическое строеніе земли, выразившееся во внѣшнихъ формахъ, климатъ, растительный и животный міръ и жизнь человѣка, сливаясь въ одно гармоническое цѣлое, представляли для А. Н. сущность всякаго географическаго изученія. Можетъ быть, элементъ гео-ботанической и выступалъ на первый планъ, но это дѣлалось не произвольно. Этотъ перевѣсъ происходилъ не только, потому что А. Н. былъ ботаникомъ по своимъ начальнымъ работамъ, но скорѣе его душа вообще тяготѣла къ той грандіозной картинѣ, которую пред-

ставляетъ земля съ своимъ разнообразіемъ формъ поверхности и картина растительности, которая покрываетъ послѣднюю. Стоитъ только вчитаться въ его описанія природы, все равно какой, роскошной ли тропической, или скудной природы полупустынь средней Азіи, въ нихъ всюду чувствуется безконечная любовь къ природѣ и способность глубоко понимать и чувствовать ее. Это было личное качество души А. Н., а потому человѣческій міръ въ его работахъ отступаетъ на второй планъ. Онъ не былъ такъ близокъ А. Н., не интересовалъ его такъ, какъ остальные части географическаго описанія, а если интересовалъ то совершенно уже съ другой стороны, но не какъ антропологическій и этнографическій элементъ географіи. А. Н. иногда указывалъ на ошибочность сліянія такихъ двухъ наукъ, какъ антропология и географія, и ставилъ въ большую вину нѣкоторымъ антропологамъ проведеніе представленія о родствѣ двухъ столь различныхъ и по методу, и по объему изученія наукъ.

Въ своихъ географическихъ воззрѣніяхъ А. Н. примыкалъ къ школѣ съ наиболѣе широкими обобщающими задачами. Ученикъ нѣмецкихъ географовъ, А. Н. ушелъ отъ нихъ и ближе стоялъ къ французскимъ, изъ нѣмецкихъ же къ Филиппсону и Геттнеру. Школа чистыхъ гео-морфологовъ была по его мнѣнію школой черезчуръ узкой, она не охватываетъ всего понятія географіи; въ работахъ этой школы ему не хватало живой природы, всей біо-географіи. Только сопоставленіе всѣхъ различныхъ сторонъ, всѣхъ особенностей природы данной мѣстности, сводка ихъ въ одно цѣлое, результатомъ чего и получается полнота географическаго описанія, даетъ широкій взглядъ на отдѣльную ли страну, или на весь земной шаръ. Такая точка зрѣнія А. Н. на географію являлась наиболѣе обобщающей и вела къ философскому взгляду на всю совокупность фактовъ географіи, къ философіи ея—геософіи.

Свои взгляды на географію А. Н. проводитъ въ описаніяхъ тѣхъ мѣстностей, которыя ему приходилось посѣщать. Его большое путешествіе на востокъ для изученія чайныхъ округовъ дало ему возможность описать эти страны такъ полно, какъ ему хотѣлось, а не заниматься только изученіемъ обработки чая, съ чисто практической стороны. Результатомъ такого отношенія получилась полная картина природы Цейлона, Китая, Японіи, и на фонѣ этой гармонической картины вырисовывается культура субтропическихъ растений, которыя А. Н. такъ всегда старался перенести и въ наши русскіе субтропики, въ Батумскую область.

Но наиболѣе полно и подробно А. Н. излагаетъ свои взгляды на географію въ своихъ лекціяхъ и въ «Курсахъ землевѣдѣнія». Планъ его курса мало измѣнился отъ перваго изданія до послѣдняго, онъ скорѣе лишь расширялся и дополнялся. Въ чемъ можно упрекнуть всего больше этотъ курсъ, то, конечно, въ чрезчуръ обширномъ матеріалѣ. Въ большомъ курсѣ землевѣдѣнія трудно провести основную идею географіи—связи между твердой сушей, ея геологическимъ строеніемъ, климатомъ, вѣдѣйствіемъ внутреннихъ и внѣшнихъ факторовъ на созданіе формъ суши и зависимости всей живой природы отъ этихъ формъ. Гораздо проще, гораздо живѣе А. Н. это дѣлалъ при популяризаціи тѣхъ же самыхъ фактовъ, когда упрощалъ матеріалъ, приспособляя его для широкой аудиторіи. Въ такихъ случаяхъ этотъ оригинальный планъ выступалъ въ полной своей опредѣленности. Между прочимъ, въ такомъ видѣ онъ почему-то встрѣтилъ довольно сильную критику. Да и большой «Курсъ землевѣдѣнія» А. Н., какъ и многія другія его работы, не были встрѣчены дружелюбно. Онъ вызывалъ критику, подчасъ изумительно странную и придирчивую, какъ хотя бы критика Е. Чепурковского въ «Естествознаніи и Географіи» (1911. № 5).

Очень много можно было бы сказать о характерѣ работъ А. Н. Это были всегда работы спѣшныя и порывистыя; отсюда и проистекали всѣ ихъ недостатки. Постоянно занятый все новыми и новыми планами и работами, А. Н. обыкновенно и не могъ уже дать окончательную отдѣлку написанной работѣ. Далѣе у него не было погони за внѣшностью. Рисунки часто были или неудачно подобраны, или неудачно выполнены. Взять нѣсколько рисунковъ какой-нибудь мѣстности и выбрать изъ нихъ лучшіе, А. Н. не стремился и не имѣлъ времени. Самый языкъ его статей былъ хорошъ, когда онъ выливался у него непосредственно. Но отдѣлывать, выправлять, а тѣмъ болѣе посуществу передѣлывать свои статьи для А. Н. было очень трудно. Отсюда тѣ ошибки, тѣ «перепутанныя этикетки», на которыя нападали критики, при чемъ за внѣшними погрѣшностями, даже легко въ сущности устранимыми, не видѣли тѣхъ мыслей, тѣхъ идей, которыя заслуживали полнаго вниманія.

Другая большая работа А. Н. была его «Географія Россіи», написанная по-нѣмецки для изданія Kirchhoff'a «Географія Европы». Это описаніе Россіи построено въ духѣ Геттнера и Филиппсона, съ идеями которыхъ совпадаютъ и идеи А. Н. Вся задача его заключается главнымъ образомъ въ томъ, чтобы на подробномъ описаніи геологически-морфологическаго устройства поверх-

ности дать картину страны, связанную съ ея климатомъ и растительнымъ міромъ, и показать, какъ при данныхъ условіяхъ развивалась жизнь человѣка и какія особенности послѣдняя представляетъ въ различныхъ частяхъ страны.

Другой работой, гдѣ на описаніи небольшой области А. Н. даетъ развитіе тѣхъ же излюбленныхъ идей, было изслѣдованіе Харьковской губерніи: «Рельефъ, растительность и почва Харьковской губерніи». Правда, вслѣдствіе спеціальной задачи, человѣческой элементъ здѣсь устраненъ. Такое устраненіе, однако, какъ бы отчасти возмѣщалось работами, дополнявшими этотъ необходимый элементъ. А именно: А. Н. предпринялъ работы по антропологическому изслѣдованію населенія Харьковской губ. Работа была напечатана въ «Географическомъ сборникѣ» кружка студентовъ-естественниковъ: «Объ антропологическихъ типахъ Харьковскаго уѣзда и г. Харькова». Другая болѣе полная — «Объ антропологическихъ изслѣдованіяхъ въ Харьковскомъ и Валковскомъ уѣздахъ», напечатана въ Русскомъ Антропологическомъ Журналѣ, 1900 г. Эти работы не удачны; А. Н. не былъ антропологомъ и та самостоятельность двухъ наукъ географіи и антропологіи, на которой такъ настаивалъ А. Н., здѣсь сказалась. Задачи и методы ихъ такъ различны, сліяніе такъ искусственно, что все это и отразилось въ изслѣдованіяхъ населенія. Изслѣдовалъ А. Н. главнымъ образомъ только призывныхъ новобранцевъ. Въ самую невозможную погоду, подчасъ по ужаснымъ дорогамъ, отправлялся А. Н. на призывные пункты въ какое-нибудь село и здѣсь старался использовать матеріаль, который въ буквальномъ смыслѣ пролеталъ передъ глазами. Это и было слабой стороною изслѣдованія: можно было успѣть взять лишь два, три измѣренія и записать цвѣтъ глазъ и волосъ. Матеріаль получался слишкомъ недостаточный и слишкомъ малоцѣнный. Даже тогда, когда А. Н. пробовалъ дѣлать измѣренія цѣлыхъ проходящихъ партій новобранцевъ, то все же получались лишь небольшія партіи изборныхъ представителей мужскаго населенія различныхъ мѣстъ Россіи. Надо собственно удивляться той энергіи, какую проявлялъ здѣсь А. Н. Проѣхать поздно осенью, въ октябрѣ или ноябрѣ, куда-нибудь въ Ольшаны (село Харьковской губерніи), по отвратительной дорогѣ, ночевать въ самыхъ иногда неудобныхъ условіяхъ, чтобы въ результатѣ получить такой небольшой матеріаль, для этого нужна была дѣйствительно и большая энергія, и большая вѣра въ то, что добытыя данныя уяснятъ что-нибудь. Можетъ быть, здѣсь скрывалась очень глубокая психологическая особенность А. Н. Вѣчно увлекающійся, постоянно

занятый различными планами и идеями, все новыми и новыми, А. Н. чувствовалъ, что для многого не хватаетъ фактическаго матеріала. Онъ бросался за нимъ, но собрать его въ достаточномъ количествѣ у него не хватало ни возможности, ни времени. Ему вдругъ хотѣлось подтвердить ту или другую свою идею, и онъ начиналъ подбирать къ ней матеріалъ. Но нигдѣ недостатокъ послѣдняго такъ не чувствуется, какъ при антропологическихъ работахъ. Обслѣдована въ этомъ отношеніи Россія болѣе чѣмъ недостаточно. Какъ-разъ конецъ работъ А. Н. совпалъ съ такими трудами по антропологии, какъ работы Ripley и Деникера. А. Н., увлекаясь схемой распредѣленія расъ въ западной Европѣ то у одного автора, то у другого, желалъ продолжить эту схему и на востокъ. Въ короткое время получить антропологическія данныя въ большомъ количествѣ было не возможно, а мысль работала, схватывая по существу правильныя положенія.

Во время археологическаго съѣзда А. Н. занялся сборомъ этнографическаго матерьяла, главнымъ образомъ по матерьяльной культурѣ мѣстнаго населенія. Весь сборъ и вся работа его по этнографіи шли подъ сильнымъ увлеченіемъ нѣкоторыми нѣмецкими авторами—Фробениусомъ, Р. Андре и др. Въ данномъ случаѣ было одно изъ тѣхъ непродолжительныхъ увлеченій А. Н., которое заставило его броситься въ новую область. А. Н. всего больше интересовался и здѣсь идеей эволюціи: формъ одежды, жилища, предметовъ обихода и т. д. Это было приложеніе эволюціонныхъ идей общей этнографіи къ изслѣдованію мѣстной этнографіи и подборъ матерьяла согласно съ этой идеей. Кажется, ни въ одной научной области А. Н. не былъ понять такъ мало, какъ въ этой. Его статья о постройкахъ Харьковской губ., съ массой фотографій, была возвращена съ просьбой обработать болѣе научно. Кромѣ подбора матеріала, А. Н. хотѣлъ показать въ этой работѣ очень интересный ходъ постепеннаго развитія городского мѣщанскаго домика изъ простой малорусской хаты путемъ послѣдовательныхъ измѣненій отдѣльныхъ частей. Его очень огорчило возвращеніе статьи, онъ жаловался и указывалъ на требованіе обработки, совершенно излишнія требованія обстоятельнаго литературнаго предисловія, сводки литературы. То и другое, по мнѣнію А. Н., было не нужно, даже совершенно излишне въ подобной статьѣ. Остальной этнографическій матеріалъ послѣ этой неудачи остался не обработаннымъ. Статья о постройкахъ попала въ какой-то иллюстрированный журналъ и осталась тамъ никому

неизвѣстной, а для читателей того журнала совершенно не нужной.

Въ дѣятельности А. Н., какъ географа были два очень интересныя начинанія съ чисто педагогической стороны. Это его студенческія экскурсіи и студенческой географической кружокъ. А. Н. стоялъ на точкѣ зрѣнія, что преподаваніе географіи безъ экскурсій теряетъ наполовину свое значеніе. Какъ бы ни иллюстрировать лекціи фотографіями, картинами и картами, это остается до извѣстной степени мертвымъ матеріаломъ, если не представляется возможности показать то же самое въ природѣ. А. Н. былъ хорошо знакомъ съ постановкой преподаванія географіи за границей, гдѣ экскурсіи идутъ постоянно, какъ обычное дополненіе къ университетскому курсу. Осуществленіе экскурсій за границей облегчается и разнообразіемъ ближайшихъ окрестностей, и возможностью при весьма непродолжительномъ переѣздѣ достигнуть, очень интересной мѣстности. Переѣздъ одной ночи достаточенъ, чтобы попасть въ центральныя части Альпъ даже изъ сравнительно отдаленныхъ университетскихъ городовъ. Но при организации экскурсій въ Харьковскомъ университетѣ А. Н. встрѣтился съ цѣлымъ рядомъ трудностей. Первая изъ нихъ—это громадное разстояніе, отдѣляющее Кавказъ отъ Харькова, Кавказъ же А. Н. выбралъ для экскурсій, какъ мѣстность, дающую наиболѣе разнообразный и цѣнный матеріалъ для демонстрацій. А. Н. выхлопоталъ для первыхъ экскурсій даровой проѣздъ, и эти льготы по желѣзной дорогѣ (тогда не существовало совсѣмъ еще льготнаго проѣзда для экскурсій) только и дали возможность съ небольшими затратами совершить экскурсіи. Небольшую матеріальную помощь далъ и университетъ. Благодаря всѣмъ этимъ условіямъ, столь далекая экскурсія обходилась очень дешево. Но другое трудное условіе А. Н. не удалось, конечно, побѣдить—это отдаленность разстоянія. При экскурсіи въ двѣ недѣли надо было терять еще третью на переѣздъ туда и обратно, что отзывалось на продуктивности работы, сильно утомляя экскурсантовъ. Для экскурсій А. Н. сначала бралъ Военно-Грузинскую дорогу, а потомъ остановился на Военно-Осетинской, какъ болѣе показательной. Очень тяжелой стороной этихъ экскурсій была полная неподготовленность данныхъ дорогъ къ прохожденію ихъ съ экскурсіей. Ихъ можно проѣхать, не останавливаясь, т. е. безъ всякой пользы, а дѣлать остановки было очень трудно и тяжело по полной неприспособленности станцій для ночлега. А. Н. время отъ времени жалуется на усталость студентовъ во время экскурсій и на то, что изъ-за усталости пропадаетъ всякій

научный интересъ, и экскурсія не даетъ всей той пользы, которую могла бы дать. При созданіи и организаціи этихъ экскурсій приходится опять-таки удивляться той энергіи А. Н., съ какой онъ взялся за это трудное дѣло, и его организаторскому таланту, т. е. тѣмъ качествамъ, которыя были въ немъ всегда такъ ярко выражены.

Географическій студенческій кружокъ былъ созданъ А. Н., какъ дополненіе къ его лекціямъ, замѣняя обычный семинарій, но въ отличіе отъ послѣдняго, кружокъ привлекалъ къ себѣ студентовъ и другихъ факультетовъ, которые интересовались географіей, антропологіей и этнографіей. Кружокъ то собирался, то замиралъ на нѣкоторое время, то опять возобновлялся, смотря по тому, было ли достаточное количество участниковъ, были ли доклады, а, главное, насколько у А. Н. хватало времени и энергіи для кружка. Онъ былъ безспорно душой и вдохновителемъ работъ. Работы давались въ видѣ рефератовъ о различныхъ вновь вышедшихъ сочиненіяхъ на русскомъ или иностранномъ языкахъ, иногда являлись отчеты объ экскурсіяхъ, и даже доклады о самостоятельныхъ работахъ и изысканіяхъ. Самыя засѣданія велись А. Н. и отличались полной непринужденностью и большимъ оживленіемъ; это была живая совмѣстная работа и прекращеніе ея или перерывъ вызывали всегда большое огорченіе.

Въ статьяхъ А. Н. есть еще одна очень интересная сторона. Его статьи зачастую носятъ извѣстную долю публицистики, которая какъ-то прокрадывается всюду. Это, пожалуй, придаетъ имъ даже еще большую живость. При описаніи чужихъ, далекихъ странъ у А. Н. постоянно являются сравненія, сопоставленія съ Россіей, но такого рода сопоставленія не есть просто выясненіе незнакомаго матеріала путемъ сравненія съ болѣе знакомымъ, близкимъ. При всѣхъ такихъ параллеляхъ какъ то проскальзываетъ у А. Н. желаніе отмѣтить тѣ или другія стороны, какъ лучшія, чѣмъ въ Россіи, какъ желательныя для заимствованія и подражанія изъ быта и жизни далекихъ странъ. Иногда кажется, что нападая на недостатки, или же пользуясь сравненіемъ, А. Н. желаетъ указать на слабыя стороны русской жизни и подчеркнуть аналогичные недостатки русской жизни, или намѣренно преувеличиваетъ всѣ хорошія стороны, чтобы показать ихъ отсутствіе въ русской жизни. Во всѣхъ этихъ нападкахъ чувствуется желаніе исправить недостатки, внести улучшеніе. Такое отношеніе автора къ матеріалу дѣлаетъ его очерки весьма жизненными, но зато и очень субъективными, съ очень большимъ личнымъ элементомъ. Примѣровъ подобнаго

отношенія можно было бы привести довольно много и въ описаніи «Чайныхъ округовъ Азіи», и въ описаніи жизни Сандвичевыхъ острововъ, да и въ другихъ небольшихъ очеркахъ.

Только, сопоставляя всѣ разнообразныя работы и начинанія А. Н., можно ясно представить, какія различныя области онъ затрагивалъ, какъ ко многому его влекло. Получалось разбрасываніе, быстрый переходъ отъ одного къ другому въ ущербъ углубленію въ данный вопросъ, въ ущербъ его детальной разработкѣ. Это было главное отрицательное качество дѣятельности А. Н., которое порождало у него спѣшность работы, обиліе опечатокъ и недосмотровъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ вызывало рѣзкую критику, обвиненіе въ небрежности и поверхностности. А между тѣмъ, какую массу идей, мыслей будятъ всѣ эти работы, сколько различныхъ начинаній, очень интересныхъ, разбросано въ нихъ мимоходомъ! Въ каждой книгѣ А. Н. интересовалъ не новый матеріалъ, не разработка подробностей, а новая мысль, которую онъ подхватывалъ, бросалъ своей аудиторіи, пропагандировалъ. Обиліе мыслей, блестящихъ идей, которыми увлекался и самъ А. Н., составляетъ главную цѣнность всѣхъ его работъ, всей его дѣятельности и далеко искупаетъ всѣ тѣ недочеты, на которые обрушивались критики.

А. Покровскій.